

КОНСТАНТА МЕНДЕЛЯ

А
Н
А
Т
О
Л
И
Й

М
Е
Р
З
Л
О
В

Анатолий Мерзлов
Константа Менделя

«Автор»

2026

Мерзлов А. А.

Константа Менделя / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

«Константа Менделя» — пронзительная семейная сага о любви, борьбе и принятии себя, разворачивающаяся на фоне живописных пейзажей Венеции, Адриатики, Кавказских гор и Байкала. Василий и Маргарита прожили вместе пятьдесят лет. Его нежность и преданность разбиваются о её внутреннюю боль — зависимость, которую она тщательно скрывает. Она — яркая, живая, жаждущая праздника, но постепенно теряющая себя в иллюзиях. Он — терпеливый, любящий, готовый спасти её снова и снова. От романтического знакомства на венецианской эстакаде до трагических испытаний — пуля браконьера, суицид, долгие годы борьбы. Генетика характера, закономерности судьбы, передающиеся из поколения в поколение, — вот та самая «константа Менделя», которую предстоит осознать каждому. Смогут ли они остаться вместе, когда прошлое отпускает, а будущее кажется призрачным? И кто на самом деле победитель в этой драме?

© Мерзлов А. А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Мерзлов

Константа Менделя

Константа Менделя.

*Пресвятая Владычица Богородица, родившая истинный свет, просвети духовные
очи моего сердца!*

ГЛАВА 1

Любовь, как море...

Звонкий завораживающий смех доносился из служебного помещения. Он очаровывал настолько, насколько может очаровать розовое личико спящего младенца. К этому нежному чувству, не спрашивая твоего согласия, примешивалось незнакомое, доселе неведомое, всеохватывающее ощущение. Безудержным магнитом тянуло окунуться в нем, как в искрящемся на рассвете тропическом море. Нет-нет, вовсе без желания охладить жар возбужденного сердца, отнюдь - ощутить кристаллы его горечи каждой порой любящего существа. Глухие переборки гасили иные звуки - одни взрывы безмятежного смеха пробивали их броню, врываясь в рас-
труб иллюминатора, улетаая за материальные пределы в соленый, несущийся со скоростью в 12 узлов, простор.

Как ни чудовищно сознавать свое неизбежное одиночество на пике расстройства некогда стройных форм, еще более чудовищно пытаться собрать все крупинки тех чувств, подобно песку, улетевшему за борт в непроглядную бездонную синь.

...Минивены и всякая прочая утварь пронесли мимо, порывая выхлопами слабеньких движков, оставляя надежду на милосердие. Представим

эстакаду, устремившуюся в самое сердце вечно голубой Адриатики. Под ногами Маргера - где-то далеко впереди, в насыщенном сказкой воздухе, рукотворное чудо - Венеция. Они шли к не совсем обычной автостраде. «козьявки» всех мастей, те, что имели хотя бы малейшую пустоту в салоне, плавно тормозили, предлагая свои услуги. Он был готов, а она медлила, игнорируя очередное предложение с завуалированной кичливостью:

- Граци, синьори.

Свежий ветер надувал паруса плащей «болонья», а водоворот мыслей извращал хлопающие фалды в бурный кровоток в висках. Даже, если понимаешь, сопротивляешься крайней безысходности своего положения, хватаешься за случайную соломинку, за малейшую возможность причаститься к желаемому обстоятельству. Ведь смысл жизни только в одном – в борьбе. Чем больше она отвергала предложений, тем меньше оставалось надежды на ее благосклонность, в сознании стучало:

-

Ты стал всего лишь сторонним участником разыгрывающейся драмы. Твой голос, твои любые заверения утонули бы сейчас в ее потемневших, как пучина моря, глазах. В это мгновение обостренно понимаешь: твои любые попытки окончательно разобьются в пену о скальную глыбу ее равнодушия.

В движении по автостраде внезапно наступило затишье, и она, погасив в себе пожар неведомого, вдруг остановилась в желании стремиться к цели – критически наклонившись над ограждением. Внизу весело перекачивались барашки волн. Вдали магнитил взгляд одинокий белый треугольник паруса. А она, отрешено потупив взгляд, видела что-то свое.

Не скоро поднялись на него ее затуманенные глаза - они посмотрели, скорее удивленно, чем участливо, кольнули в лицо недоверием, увидев в нем что-то неожиданное, открывшееся

сейчас впервые. Вопреки внешнему посылу, голос ее прозвучал, далеким от отчаяния, воркующим переливом:

- А давай поплывем туда, добавим свой парус к тому одному!!!

Он не успел сбросить первое ощущение, как был заражен ее новым неожиданным решением. Кроме последнего романтического предложения, до главной реальной цели добрых десятков морских миль - она собиралась преодолеть их пешком.

Пусть виртуально, но случилось именно то, чего он так страстно желал некоторое время назад. Она тогда хотела отправиться в увлеченное плавание не с ним. Но сейчас! А, ну, включай интеллект, пытайся отвлечь ее. Заворожить сложно, когда в сердце другой образ. Вот он, твой зарево миг! Не медля принять предложение и утопить сомнение!

Сколько противоречий свершилось до тебя!? А сколько свершится еще, на почве сиюминутных, часто опрометчивых эмоциональных всплесков. С годами они не теряют силу, а всякий случайный порыв ветра, всполошивший страстью все существо тогда, сейчас превращается в ураган. Продолжает жить аморфный образ, разрастаясь до высот фобии, оставляя за собой эфемерный противовес большой неискоренимой тоске.

За спиной снова заурчали моторы, со смехом в открытые проемы улюлюкали водители, подзадоривая их движение. Сделалось странным: почему только что от предложений не было отбоя, сейчас же, все изменилось так контрастно.? Десять миль морских - почти двадцать километров земных. Они медленно шли вперед. За сумбуром мыслей будущее его только радовало. В груди зрело ожидание чего-то большого, светлого, настоящего, которое может не просто радовать, но рождать трепещущую малиновыми бликами гладь моря, где будет рассвет и закат, и уже не один, а два одиноких паруса на ее пленительной поверхности сольются в одну общую бесконечность.

Мыкнула сзади сирена - черный авто с гребешком «POLICE» неслышно притерся сбоку. Жест приглашения с присыпкой «престо, престо, престо» стал более чем очевидностью. Она без колебаний присоседилась на заднем сиденье - он упал рядом. Но сказка не пропала, сжавшись пределами замкнутого пространства, устремилась вперед заданным курсом, оставляя на его руке, вполне материальное тепло ее безвольно лежащей руки.

Полисмен лопотал нескончаемо, не оборачиваясь - речитатив лился из него стремительным латинским водопадом. Думалось о чем угодно, и обо всем сразу - все смешалось в один страстный позыв; до боли сжать ее руку, спустить с высот непонятого недоумения, приблизить к себе. Скандальный алыт полисмена служил отличным фоном для решительных действий. Он положил руку на ее плечо - она не отшатнулась, даже ответила пожатием. И, о чудо, прикоснулась трепетным телом.

«Amor et tussis pop celantur», - выстрелом поразил воодушевленный полисмен.

Машина скоро подкатила к мощеной брусчаткой площади - вдаль от нее лучами расходились набережные каналов - темную гладь воды рассекали живописные форштевни гондол.

«Fortes fortuna adjuvat», - бросил вслед полисмен, ослепив их широкой белозубой улыбкой. Они поблагодарили поклоном, посмотрев друг на друга и вокруг. Щелкали объективы фотоаппаратов, сутились немногочисленные пестрые в своих нарядах туристы.

В сознании оставалась осень: день отхода из зеленого портового городка. На буйном вечнозеленом фоне печалили существо красно-желтые пятна платанов, давая волю тоске. Они угнетали, но не цветом вступающей в силу печальной поры - всему виной невероятной прозрачности воздух и дух осени - все не материальное, замершее под гнетом выгоревшего неба происками злого гения. Дополненные сопровождением мрачного вороньего перекликанья, они предполагали ползучую неизбежность летаргического сна.

... В окружении венецианских каналов осень ощущалась инерцией чувств. Вычурные огромные горшки с цветами манили буйными красками иллюзорного лета. Отсутствие дере-

вьев дополняло ощущение декорации продолжающейся сказки, и только она - воплощение материального мира заставляла напрячься на живое участие в разворачивающемся сценарии.

В ореоле повисшей в воздухе сказки, ощущение предстартовой готовности к чему-то неожиданному довлело над ними. Наверное, именно оно и рождало обоюдное желание молчать. Они заворожено пересекли горбатый мосток, зависнув на время в верхней его части, кривляясь собственному отражению. По каналу вместе с мелкой рябью полился призывный тенорок поющего. Любой посторонний звук в это время мог представиться здесь внезапным включением бравурного марша. Поэтическая баркарола казалась кислородом воздуха, как неотъемлемой части окружающей атмосферы. Немые стены домов, причудливо извивающиеся в тронутый движением воде, оставались не более чем сопровождением к плывущей к вам песне.

Внезапно, с осторожным всплеском весла, появился непонятный фон - она вздернула брови и с недоумением посмотрела вокруг. Все нарастающий, по мере приближения, звук превращался в рокот. С надеждой он посмотрел на нее, но кроме настороженности ничего более ее глаза не выражали. Живое удивление, и все. Нет, что-то, определенно новое скребануло по его лицу. Неужели сочувствие?

Мощная улочка вывела их за стену домов на огромное открытое пространство, где гул превратился в нежный рокот сотен голубей. Площадь св. Марка – красовался на стене витиеватый трафарет.

Это сейчас толпы диких страждущих заполнили все пространство площади, смешавшись с массой возбужденных птиц, а тогда – с пару десятков фигур созерцали старинные фрески, дополняя воздух, все же осени, духом восхищения и добра, в огромной стае беспечно суесящихся голубей.

Плащи болонья давно комкались в руках ненужным атрибутом. Откровенно завороженная зрелищем, она остановилась к нему спиной. Кошунственно, однако, особенности архитектуры для него рассеялось мутным пятном окружения. И, если бы не она, материальная, по птице на каждом плече, увлеченная их кормлением, он непременно захотел бы открытого морского простора, вне унылых изваяний, бесполезно красующихся своим отражением в воде. Он в тот миг с ней прелюбодействовал: раздевал и сопоставлял со скульптурным изваянием, в комплексе и без них. Она - яркая и сочная, живая, но чужая, дышала рядом, но не для него.

По пути назад, на миленьком базарчике разноликого белья, она смущенно перебрала несколько пестреньких композиций, мельком показала на выбранные продавцу. Пребывая в женском отрешении, она не возвращалась в его мир. И только тогда, когда она по-женски жеманничая, зардевшись стеснением, суетливо, выбрала что-то свое сокровенное - он увидел ее без прикрас.

Обратная дорога показалась вечностью в сравнении с промелькнувшим наедине мгновением. Они сошли там же, где начинался их путь. Со слезливой тоской он искал глазами исчезнувший белый треугольник, но тот бесследно исчез. Лишь уходящая вглубь Адриатики эстакада, да подмигивающий глаз светофора, да дорожный знак «Остановка запрещена», оставались немой напоминанием текущей действительности.

Поздним вечером, когда небо утонуло в море, в нем растворилась и Маргера, оставив в небесной недосказанности повое созвездие, млечным пунктиром зовущее в сказку. Динозавры-будни - пожиратели оазиса жизни, разрослись до пределов ненасытных монстров. Как свалившаяся с неба благодать - праздник души. А для кого-то неискоренимая печаль. День рождения - сколько в этом звуке счастья и трагедии!? В одном отдельном теле противоречий огромный воз, а сколько же их в масштабе человечества? Двадцать пять - четверть от ста. Магическая цифра менялась каждую следующую секунду

Лихорадило под кормой гребной винт, подрагивала палуба. Они сидели вдвоем, слушали мелодичную дробь опорожненных бокалов, молчали, но думали об одном. Их связала оставшаяся далеко за кормой сказка.

...Зиял пустотой открытый иллюминатор камбуза - он нес звуки рутинной рабочей возни: стучала посуда, шкворчала сковорода, бесстрастно ляпала рлицами тестомешалка - недовольный басок наставлял. Струился запах свежеприготовленных щей. На леере - едкая соль морских лихолетий огнем жгла ладонь. Щелкнула тяжелая металлическая дверь, и рядом застыла она - вся в белом, повседневная, но загадочная, и все такая же необъяснимая.

И звали их Маргаритка и Василек.

ГЛАВА 2

... Их было двое на челне.

Маргарита Ивановна не терпела прогулок по избитым маршрутам. Крайне редко соглашалась на уговоры Василия Никаноровича, со скрипом снисходила к его излюбленным уголкам. В ней никак не складывалось в потребность, а с годами не развивалось в необходимость вкушать вместе с ним миниатюры сезонного обновления. Те тихие радости, что дарят нам милые сердцу перемены, миновали ее стороной. Ее догматизм воспринимал окружающий мир жесткими непреклонными штампами, похожими на поступь слона: зима, весна, лето, осень. Ни пушкинское, чувствительное для Василия Никаноровича, угасание природы осенью, ни едва ощутимое дыхание весны в последней фазе зимы, ее не трогало. Так было всегда, и вовсе не от преходящих в полоне лет романтических настроений - оно обозначилось неким тавром, свойственным ей с рождения. Ее молчание воспринималось, как загадочность, а искрометные взгляды, как неизведанная глубина. Внедрение в душу казалось поиском не открытого другими ископаемого. Такие разные, они прожили много совместных лет - полных пятьдесят. Все совместные годы, что сейчас становилось явным, напоминали два параллельно двигающихся конвейера. Временами случались в движении заторы, но в том, подчас жутком нагромождении испытаний, не случилось больших жертв. Благоприятствия складывались удачным сочетанием конъюнктур, где, впрочем, с трудом определялись элементы жертвенности во имя их общего блага. Жили, растили детей - так бывает у многих, так сложилось и у них: одна общая забота в какое-то время разделилась по стандартным обязанностям мужчины и женщины. Маргарита Ивановна никогда не принимала «на ура» далеко идущие планы мужа, правда и не отрицала их категорически. Нужную, и такую естественную в семье, психологическую помощь, Василию Никаноровичу не жаловали. Объяснение звучало безапелляционно, как выстрел древней мортиры:

- Супружеский долг, борщи, что еще?!

В существо Маргариты Ивановны преобладало, редкое по качеству, стойкое убеждение в своем особом статусе на земле. Он предполагался вечным праздником жизни. В русском языке есть меткое сравнение - «тянуть лямку» - эту фигуру речи, в обычных заботах, она воспринимала с той же бескомпромиссной убежденностью, называя себя «бурлаком на Волге». Она не воспринимала, как реальность, главную роль - прежде всего, друга. Ее удел, ее стиль жизни - путешествия, веселье, обожание партнеров, подарки. И от доставшейся ей, в ее твердой убежденности, нелегкой участи, она старалась уйти в застолиях, в кругу подобных себе единомышленников. И уходила, вначале изощряясь в приобщении к своим понятиям мужа, а когда понимала бесполезность потраченных усилий, от случая к случаю напивалась. Приходило отрезвление, за ним угрызение совести - она тогда еще сопротивлялась самой себе. Идеология прошлого оставила след, она в промежутках признавала свое падение - на серьезный анализ ее не хватало. Василий Никанорович по молодости свирепел: как можно не понимать очевидного, и со временем, если не мирился, то забывался в новом своем устремлении. И умудрялся достигать чего-то рядом с ней, но без нее, и все еще любил, лелея за нынешним образом, тот далекий, романтический - ту Маргаритку, что подарила ему надежду на просто-

рах Адриатики. Маргарита Ивановна временами уходила в себя, хотя в целом воспринималась экстравертом. Стоя на балконе с видом на лежащий перед ней мир - огромный, достойный, но не свой, видела в нем лишь конечную пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.